

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ

СЪ КАРРИКАТУРАМИ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

- Въ Москвѣ безъ доставки. . . 3 р. 50 к. с.
- С.-Петербургѣ безъ доставки. 4 » —
- Съ пересылкою во всея города. 5 » —
- За доставку на домъ въ Москвѣ прилагается 1 р. с.

Адресъ: въ Москвѣ, близъ Харитоня въ Огородни-
кахъ, на Покровскъ, въ Машковомъ пер., въ д. Миллера.

СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ЗА ГРАНИЦУ «РАЗВЛЕ-
ЧЕНІЕ» СТОИТЪ:

Въ Германію и Австрію	5 р. с.
» Бельгію	5 р. 50 к.
» Францію	6 р.
» Италію.	6 р.
» Англию	6 р. 50 к.
» Испанію	6 р. 50 к.
» Швейцарію	7 р.

Гг. подписчики, отъѣзжающіе за границу и желающіе получить тамъ «Развлеченіе», прилачиваютъ къ цѣнѣ журнала столько, сколько приходится по этому разсчету.

Гг. заграничные подписчики могутъ адресовать-ся или въ редакцію, или въ Газетную Экспедицію МОСКОВСКАГО Почтамта.

ДЬВЯВОЛЬСКОЕ НАВОЖДЕНИЕ

Очеркъ изъ провинціального быта.

(Продолженіе).

III

НОЧНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ.

— Другъ! Андрей Сидорычъ, стой!.. погоди на одно слово! Слушай: могутъ побить намъ морды, или не могутъ? какъ ты думаешь?

— Ты ли мнѣ это самое говоришь, Свилогузовъ? спросилъ имянинникъ и остановился.

— Да нѣтъ, вѣдь я не того... Ты думаешь, я струсилъ?—нѣтъ! стара штука. Ты меня выслушай только, пойми, значить, меня; я не боюсь, я теперича ничего не боюсь, никакого чорта...

— Да нѣтъ, братъ, ты не финти, меня вѣдь не надуешь. Нѣтъ, ты мнѣ толкомъ отвѣть: отъ тебя ли я эти слова слышу, али твоими устами заговорилъ этотъ низкій страхъ, какъ его зоветъ уѣздный секретарь,—робость презрѣнная?—Вотъ ты мнѣ на что отвѣть.

— Другъ! Андрей Сидорычъ! Богомъ клянусь тебѣ...

— Цсс! стой. Помни, братъ, заповѣдь: не приеми имени Господа Бога твоего всуе.

— Не всуе, другъ ты мой милый, не всуе! нѣтъ... Я не страшусь ничего, то-есть никакого лѣшаго, не токма что человѣка. Нѣтъ! но вѣдь я... вѣдь у меня того... есть мозги въ башкѣ, — вѣдь вѣтъ? вѣдь я же не безмозглый какой, а съ мозгами вѣдь? такъ вѣдь, Андрюша?

— Ну такъ, съ мозгами. Что-жъ будетъ дальше-то?

— А вотъ что, другъ ты мой разлюбезный, Андрей Сидорычъ, вотъ оно что будетъ. Вотъ я, значить, этими мозгами-то своими и шевелю: что молъ такое будетъ съ нашими мордами—уцѣлѣютъ онѣ, али нѣтъ?

— Положимъ что нѣтъ, промолвилъ неумолимый имянинникъ.—Что-жъ дальше-то?

— А дальше... да тамъ ужъ дальше-то ничего. Нѣтъ, вотъ это-то дѣло очень любопытно...

— Какое дѣло?

— Да на счетъ физиономіи-то. Она то молъ цѣла ли останется, али того... потерпигъ сокрушеніе—вотъ только что мнѣ и хотѣлось бы знать.

— Ну, братъ, это, я тебѣ скажу, вопросъ глубины неизмѣримой и покрытъ онъ для всѣхъ для насъ мракомъ неизвѣстности. А заглядывать въ такую глубь я бы тебѣ и не совѣтовалъ, потому ни черта не увидишь. Ну какъ тутъ въ самъ-дѣлѣ разсуждать станешь?—Попадемся ли? это первый вопросъ, я отвѣчать на него можно и такъ и сякъ: можетъ попадемся, а можетъ и нѣтъ. Теперича другой вопросъ: коли попадемся, то станутъ ли насъ ко-

лотить, али не станутъ? И на это можно отвѣчать такъ и сякъ: можетъ статься и поколотятъ, а можетъ и смилуются. А теперъ третій вопросъ: коли вздумаютъ задать клочку, то по какимъ мѣстамъ примутся лупить, по бокамъ, али по мордѣ? — Все это, братецъ ты мой, вопросы такіе очень любопытные, не спорю! по какой же чортъ намъ отвѣтить на нихъ?

— Свилогузовъ! не спорь, братъ: Андрей Сидорычъ говорить правду, сурово замѣтилъ Просвиричъ.

— Да я ничего, братцы, ей-богу ничего...

— Слушай! промолвилъ имянинникъ.—На все, братъ, воля Господняя, вотъ что. Воробей—но и тотъ не пропадетъ безъ воли провидѣнія, сказалъ Гамлетъ, такъ какого тутъ черта еще. Нѣтъ, а ты ужъ признайся—ка по чистой совѣсти, что молъ струсилъ.

— Да ей-богу же нѣтъ! ну, клянусь честью! началъ оправдываться сконфуженный Свилогузовъ.

Весь этотъ разговоръ велся шепотомъ и, ведя его, собесѣдники не смѣша пробирались куда-то эгородомъ, осторожно перелѣзая черезъ кусты покрытаго снѣжкомъ кружовника и обходя задворки, гдѣ легко можно было наткнуться либо на ночнаго сторожа, либо на цѣпную собаку и вызвать съ ея стороны громкій лай. Непроницаемая темнота окружала купчиковъ.

Крѣпкимъ сномъ почивалъ въ это время городъ Козляевъ. Безмятежно-тихъ, младенчески-спокоенъ былъ сонъ простодушнѣйшихъ гражданъ козляевскихъ. Самыя сильныя носовымъ свистомъ и гортаннымъ храпомъ оглашали они свои спальныя коморки, комнаты и спальни; а того, бѣдняки, и не чувствовали, сколь ужасно будетъ ихъ пробужденіе.

А между тѣмъ, трое батюшкиныхъ сынковъ, словно три вора, съ великой осторожностью подвигались впередъ.

— Стой, братцы! прошепталъ имянинникъ.—Возвышающееся передъ нами зданіе именуется закутой. Принадлежитъ оно моему возлюбленному родителю, потомственному почетнѣйшему гражданину, Сидору Антиповичу Подзатыльнику. Сія-то закута и заключаетъ въ себѣ этотъ предметъ, ради котораго мы, братцы мои, приняли нашу экспедицію. Поломаемте же мапенечко наши головы вотъ надъ чѣмъ: какъ бы этакъ половчѣй овладѣть этимъ предметомъ. Ключъ отъ закуты у меня въ рукахъ, стало-быть половина дѣла сдѣлана. Ну-съ? съ чего начать... да! вотъ что: ты, Просвиричъ, обладаешь, братецъ ты мой, силой, можно сказать, Ильи Муромца и потому я вручаю тебѣ еіе вервие и говорю: слѣдуй за мною. Ты, Свилогузовъ, надѣленъ отъ природы значительнѣйшимъ количествомъ трусости и потому, будучи поставленъ въ рискованное положеніе, дѣлаешься весьма остороженъ, и ужъ ни за какіе калачики не заснешь, коли опасность торчитъ, такъ сказать, подъ носомъ. При-

нимая во вниманіе эѣти драгоцѣнныя твои качества, поручаю твоему вѣдѣнію сторожевой постъ, съ однимъ только уговоромъ: ни подѣ какимъ видомъ не производить фальшивой тревоги. Поди, становись тамъ возлѣ амбара и гляди въ оба, а зри въ три. Ну, Просвиринь, прежде всего, братецъ ты мой, отверзимъ дверь закуты.

И они осторожно подошли къ закутѣ. Свилогузовъ отправился на указанное мѣсто къ амбару.

— Вережка у тебя? спросилъ мянниникъ.

— У меня, отвѣтилъ Просвиринь.

— Ладно. Только вотъ что: какъ можно тише слѣдуетъ войти и, братецъ ты мой, какъ можно скорѣй засвѣтить огонь. На скромность коровы я весьма сильно рассчитываю—она-то, матушка, не пикнетъ; но вотъ бараны безмозглые сильно, я тебѣ скажу, беспокоютъ меня. Очень ужъ глухой народъ! возню подыметъ, да пожалуй—чего добраго?—воззонять, черти, велимъ гласомъ, а вѣдъ ужъ это хуже всего. Одно, что скорѣй слѣдуетъ обломать эѣто дѣло, не дать скотамъ времени очнуться... Слушай: какъ только мы, значитъ, узримъ настоящаго звѣря-то, такъ, братецъ, ты и кидайся къ нему. Лови его одной рукой за рога, а другой наикрѣпчайшимъ манеромъ сожми ему челюсти, дабы не возгласилъ. А я тѣмъ временемъ для его милости намордникъ устрою и петлю для рога—тогда и дѣло въ шляпѣ. Ну, идемъ!

Они вошли въ закуту и плотно притворили за собой дверь.

Но едва скрылись они, какъ въ тотъ же мигъ, стоящій у амбара Свилогузовъ почувствовалъ почти неодолимое желаніе послать къ чертямъ свой сторожевой постъ и забраться отъ грѣха подальше куда нибудь подѣ кусты. Но—да будутъ прокляты эѣти глупые законы товарищества!—нельзя же вѣдъ и сирятаться то, не рискуя въ эту же ночь быть навсегда изгнаннымъ изъ кружка пріятелей, осмѣяннмъ, оплеваннмъ, а, пожалуй, и избитымъ.

Съ великимъ трепетомъ опустился Свилогузовъ на корточки, притаилъ дыханіе и принялся поминутно озираться на все стороны.

Вотъ... словно что хриснуло позади его!... Свилогузовъ вздрогнулъ, почти прекратилъ дыханіе и не рѣшался шевельнуть пальцемъ.

— О-о-охъ, Госноди Боже мой! съ трудомъ перевелъ онъ невыносимо снертное дыханіе. Вотъ зашумѣло что-то п—замерло сердце Свилогузова!... Онъ рискнулъ тихо поверотить голову въ ту сторону, откуда послышался шумъ. Но—увы! Снова все стихло.

— Госноди! скоро-ль они тамъ? тоскливо подумалъ Свилогузовъ.

Прошла минута тяжкой, гробовой тишины.

— Отецъ милосердный! размышлялъ про себя Свилогузовъ,—а ну какъ да если того... что нибудь да случится... бѣда мнѣ! Титенька все зубы повыбьетъ—страсть!...

Но при этомъ раздавался такой шумъ въ закутѣ, что у Свилогузова ледяныя мурашки забѣгали по спинѣ и холодный потъ выступилъ на лбу крупными каплями.

Велѣдъ за тѣмъ, въ той же самой закутѣ поднялась возня и послышался дикій, удушливый крикъ, какой-то нечеловѣческой крикъ.

Свилогузовъ приникъ къ самой землѣ и началъ читать молитву.

А въ закутѣ раздавались слѣдующіе голоса:

— Крѣпче держи его, проклятаго, крѣпче!... Морду-то, морду ему прихвати сильнѣй, такъ вотъ, такъ его, такъ!... держи! держи! я сію секунду петлю ему накину... да держи же! эхъ ты... крѣпче держи!

— Здоровъ-то какъ, черти его задави! бурчалъ Просвиринь октавой.

— А ты держи! Неужли-жь не сладишь?

— Да! поди-ка, братъ, самъ повозись съ нимъ!... тебѣ хорошо разсуждать-то, а вѣдъ онъ брыкается... чорта ли съ нимъ сдѣлаешь-то? жаловался Просвиринь, выдерживая съ кѣмъ-то отчаянную борьбу.

— Эхъ-ма! да ты бы какъ нибудь ходули-то ему смялъ, что-ли....

— Поди-ка, сомни ихъ; а онъ вишь ты какъ подаетъ мнѣ въ пузо-то, хоть ты кричи тутъ... а-ахъ ты, анаома!... проскрежеталъ зубами озлобленный Просвиринь.

— Такъ его, такъ, такъ! Важно! Подѣ тобой онъ теперь?

— Подо мной... насилу смялъ, проклятаго.

— А ты хорошо ли его притиснулъ-то?

— Да чего тутъ хорошо ли! сижу на немъ! Значить лучше эѣтаго нельзя и требовать—въ нашихъ рукахъ: теперича ужъ ни за что не вырвется.

— Ну, и молодѣцъ! Теперь мы ему и намордникъ приладимъ.

— А ты гляди-ка на меня-то! Меня-то онъ какъ унарилъ—страсть! Ну ужъ и здоровенная же скотина... не ожидалъ!

— Ну, теперь готово! тащи... Постой! свѣчу задуть нужно. Трогай! а я того... жару начну прибавлять ему сзади-то.

Дверь закуты распахнулась и батюшкины сынки вывели изъ нея какое-то животное, котораго въ темнотѣ невозможно было разглядѣть.

НАБАТЬ.

Въ мертвомъ спокойствіи тянулась къ рззвѣту козляевская ночь. Первые пѣтухи разика по три перекликулись межъ собой, да и опять замолкли. Наступила прежняя тишина, тишина глубокая, мертвая.

На широкомъ дворѣ Сидора Антиповича Подзатыльникова, насупротивъ колокольного завода, стояла высокая каланча, похожая скорѣй на колокольню, чѣмъ на козлы, которыя обыкновенно строятся при всякомъ колокольномъ заводѣ съ тою цѣлю, чтобъ вѣшать на нихъ только что отлитые колокола и пробовать ихъ звукъ. Такіе козлы независимо отъ каланчи существовали для большихъ колоколовъ на широкомъ дворѣ Сидора Антиповича; а на каланчу втаскивались только одни маленькіе колокола, которые бывали тамъ же и испытываемы, тамъ же обыкновенно и оставлялись они висѣть до тѣхъ поръ, пока съ подзатыльниковской каланчи перевезутъ ихъ на какую нибудь Божью колокольню.

По каланча исправляла не одну только должность, а цѣлыхъ двѣ, т. е. она не только служила мѣстомъ для опробованія колоколовъ—будущихъ вѣстниковъ благости; но была при этомъ и сама вѣстницей бѣдствія и горя, т. е. служила, какъ истинная каланча, мѣстомъ для набата во время городскихъ пожаровъ.

Не разъ уже, не два и не десять разъ, а гораздо большее число разъ эта неуслышная каланча возбуждала своимъ оглушительнымъ трезвономъ козляевскихъ гражданъ, громко заявляя имъ о наступившей опасности. И козляевцы, послушные благодѣтельному призыву недремлющей каланчи, много разъ вскакивали по почамъ со своихъ постелей и, дѣйствительно, находили себя окруженными заревомъ, смятеніемъ и страхомъ. Это была благодѣтельная каланча и много разъ козляевцы со слезами благодарили за нее ея почтеннаго основателя, Сидора Антиповича Подзатыльникова.

При этой каланчѣ безотлучно находился сторожъ, отставной солдатъ лѣтъ шестидесяти и проживалъ онъ съ своею женой, тоже старухой старенькой, въ сторожкѣ подъ каланчей, ключъ отъ которой постоянно хранился у сторожа.

Итакъ, въ ночь, послѣ именинъ Андрея Сидоровича Подзатыльникова, часа этакъ за четыре до рззвѣта на подзатыльниковской каланчѣ ударили въ набать.

Почные сторожа, бродившіе около кое-какихъ частныхъ здацій и церквей, сломя голову кинулись будить церковныхъ сторожей и причетниковъ; а другіе побѣжали извѣщать о томъ спящую пожарную команду.

— Пожаръ, братцы, пожаръ! говорили почные сторожа, расталкивая церковныхъ сторожей и причетниковъ.

— Вставайте, братцы, да псескорѣйча на колокольни— у Подзатыльникова на каланчѣ въ набать ударили...

Сторожа и причетники перецолошились и, сами себя не помня отъ страху, ринулись на колокольни. Но тѣ изъ нихъ, которыхъ наградила Господь нѣкоторой сообразительностію и малой толчкой скептицизма, тѣ, говорю я, взобравшись на колокольни, осмотрѣлись сперва и нигдѣ не замѣчая зарева, не рѣшались ударить въ набать. А иные—таковыхъ оказалось трое—едва успѣли взлѣзть на колокольни, какъ въ тотъ же мигъ схватились за веревки и подняли трезвонъ оглушительный.

Всѣхъ опромѣтивѣй въ этомъ случаѣ оказался пономарь, Тарахъ Преполовенскій. Этотъ былъ первымъ, ни съ того ни съ сего загремѣвшимъ въ набать, и его набать во все время гремѣлъ съ такой невѣроятной силой, что становилось боязно не за одни только колокола, но и за черепъ самаго Тараха Преполовенскаго, который легко могъ быть раздавленъ какимъ нибудь колоколомъ, отъ сильнаго движенія сорвавшимся съ перекладины.

Вторымъ изъ козляевцевъ, поторопившихся встревожить спящій людъ, оказался регентъ хора, Игнатій Богоявленскій.

Богоявленскій съ удивительной быстротой вбѣжалъ на колокольню и еще преболно ушибся въ потемкахъ о перекладину лбомъ и разорвалъ на колѣнкѣ подрясникъ. Его трезвонъ, сравнительно съ трезвономъ Тараха Преполовенскаго, былъ значительно слабѣй, но зато отличался гораздо большей гармоничностію и правильностію метра, ибо Игнатій Богоявленскій былъ большой музыкантъ въ душѣ и умѣлъ придать звуку колоколовъ весьма искусное сочетаніе.

Третьимъ и, нужно прибавить, послѣднимъ изъ козляевскихъ обитателей, ударившихъ въ набать, былъ потомственный почетный гражданинъ, Сидоръ Антиповичъ Подзатыльниковъ, тотъ самый Подзатыльниковъ, который имѣлъ колокольный заводъ и при ономъ основалъ каланчу, столь благодѣтельную для Козляева на случай пожаровъ; это былъ тотъ самый Подзатыльниковъ, у котораго, часа за полтора назадъ, его же собственный сынокъ похитилъ изъ запертой закуты какого-то животнаго, по всѣмъ вѣроятіямъ, не принадлежавшаго къ одной породѣ съ самимъ Подзатыльниковымъ. Но кромѣ того, что Сидоръ Антиповичъ Подзатыльниковъ былъ почетный гражданинъ, основатель благодѣтельной каланчи при колокольномъ заводѣ и—отецъ, обворованный своимъ же собственнымъ сыномъ,—кромѣ всего этого, Сидоръ Антиповичъ былъ еще и церковнымъ старостой при храмѣ Неопалимой Купины. На колокольню этого-то храма онъ и взобрался для того, чтобъ ударить въ набать. Тученъ былъ собой Сидоръ Антиповичъ Подзатыльниковъ и долго-долго лѣзъ онъ на

свою невысокую колокольню; но за то уж и задалъ колоколамъ жару, какъ только влѣзъ.

Короче сказать, уѣздный городокъ Козляевъ стономъ засталъ отъ набата, гремѣвшаго съ каланчи и трехъ колоколенъ. Но тутъ замѣтить слѣдуетъ, что еще на одной лишней колокольнѣ загремѣлъ бы набатъ, на четвертой колокольнѣ, воздвигнутой у соборнаго храма. И потому собственно загремѣлъ бы на этой колокольнѣ набатъ, что слишкомъ ужъ былъ легковѣренъ соборный сторожъ, Аника Ероховъ; но набата не произошло, потому что слишкомъ былъ строгъ и почти непробудною силою сна обладалъ соборный староста, Акила Брѣховъ.

Соборный сторожъ, отставной унтеръ-офицеръ Аника Ероховъ, проснувшись и узнавши, въ чемъ дѣло, стремглавъ ринулся къ соборному старостѣ и городскому головѣ Акилѣ Лупповичу Брѣхову съ извѣщеніемъ о случившемся и съ просьбой объ разрѣшеніи ударить въ набатъ.

Нашелъ онъ городского голову спящимъ по случаю поста совершенно одиноко и хотѣлъ было немедленно приступить къ воззванію сего послѣдняго отъ сна; но супруга городского головы, женщина запуганная, забитая и совѣмъ одурѣвшая отъ побой, въ первый моментъ всеобщаго переполоха, рѣшилась не тревожить своего грознаго сожителя Акилу Лупповича Брѣхова.

Соборный сторожъ настаивалъ на противномъ и потому между нимъ и супругой городского головы завязалась въ прихожей такого рода діалектическая борьба.

Аника Ероховъ стоялъ у дверей на вытяжку и держалъ руки по швамъ; супруга городского головы, Ульяна Епимаховна, сидѣла въ прихожей на скамьѣ, блѣдная, растрепанная, съ разстегнутымъ платьемъ и сбившейся съ головы на бокъ повязкой.

Въ дверяхъ залы, стояла кухарка со свѣчей.

— Надать, Ульяна Епимаховна, ихъ разбудить-съ, говорилъ Ероховъ.

— Боюсь, сударикъ! отвѣчала Ульяна Епимаховна.— Боюсь.

— Да какъ же быть-то? спрашивалъ Ероховъ.

— А я ужъ и сама не знаю, какъ быть.

— Разбудить надать.

— Да боюсь!

— А что-жь дѣлать-то?

— Да не знаю.

— Разбудить безпремѣнно нужно.

— Да какъ ты яво будить-то станешь? съ великимъ сокрушеніемъ спрашивала Ульяна Епимаховна.— Разя ты, сударикъ, не знаешь, какой онъ! Да разбуди-ка его, такъ онъ вѣдь такъ тебя тутъ живую и положить въ гробъ. Да нешто это можно?... Да онъ тутъ то надѣлаетъ, что и-и-и... спаси Заступница!

— Да невозможно эфтого, Ульяна Епимаховна, чтобы не разбудить-съ, твердилъ непоколебимый Ероховъ.— Слышите, какъ тамъ въ набатъ-то жарятъ?

— Слышу, сударикъ, промолвила Ульяна Епимаховна и оборотила блѣдное лицо къ темнымъ окнамъ.

— Такъ надо разбудить-съ.

— Да боюсь, сударикъ, боюсь! Для него сонъ—пуще всего... коли таперь недоспитъ, али клопы одолѣвать зачнутъ, такъ бѣда что дѣлаетъ, хошь всѣ изъ дому вопъ бѣги.

Ероховъ глубоко вздохнулъ.

— А разбудить-то надать, черезъ минуту снова заговорилъ онъ,—потому и мое дѣло таперь выходитъ такое—служба! ничаво не подѣлаешь. Коли, примѣрно, не разбужу таперь, такъ за ефто Акула Луппычъ опосля съ меня же взыщеть—чего, дескать, дремалъ. Нужно разбудить-съ.

— Эка грѣхъ-то какой, царица ты моя небесная! жалобно шептала, покачивая головой, Ульяна Епимаховна и съ тревожной и скорбной задумчивостью поглядывала въ полъ, сама не зная, на что рѣшиться: будить ли свирѣпаго сожителя, или оставить его въ покоѣ до утра, отдавшись во всемъ на волю Божию.

— Такъ что же намъ, сударикъ, дѣлать-то? черезъ минуту спросила она, обращаясь къ Ерохову.

— Да разбудить безпремѣнно нужно-съ, отвѣчалъ непреклонный унтеръ-офицеръ.

— Дз какъ же яво таперича будить-то?

— Да ужъ такъ... разбудить-съ какъ нибудъ.

— Да онъ вѣдь, проснумшись-то, всѣ ребра перемаеть?

Ероховъ тяжко вздохнулъ и замолкъ, ибо рѣшительно не находилъ возраженій противъ того всеильнаго аргумента, который представила ему бѣдная Ульяна Епимаховна.

— Да ужъ не оставить ли его, сударикъ мой, во покоѣ, а?

— Никакъ эфтого нельзя-съ! непреклонно возражалъ Ероховъ.—Потому пожаръ не што-либо такое... э того... дѣло опасное-съ... Опять же церковь-съ и все такое...

— Да неужли-жь, сударикъ ты мой, церковь горить! всполохнулась Ульяна Епимаховна.—Это соборъ-отъ нашъ загорѣлся?! батюшки!...

— Нѣту-съ! соборъ, благодаря Бога, въ цѣлости, успокоилъ Ероховъ.—Нѣтъ; а я эфто къ примѣру говорю, что молъ Акула Луппычъ—церковные старосты есть-съ, потому при пожарѣ около своего храма должны обрѣтаться и все такое...

— Правда, батюшка, правда! согласилась Ульяна Епимаховна.— Да вѣдь какъ же мнѣ быть-то? Вѣдь ужъ оченно я того... будить-то его боюсь, моего сударика,

потому строгъ онъ у меня оченно! вотъ вѣдь что. Вѣдь таперь чуть что мало-мало не по немъ—сичасъ те и по затылку треснетъ. А ужъ вѣдь у меня отъ его колотушекъ-то и такъ голова почитай каждую минуту болить. Встанешь этта утромъ-то—можжить! Къ обѣду словно маленько легче станеть; а къ вечеру опять можжить начнетъ, а иной разъ такъ разболится, хотъ крикомъ кричи. А все отъ его колотушекъ. Смолоду я здорова была—кровь съ молокомъ; всѣ бывало смотреть на меня и не насмотрятся, и голова не болѣла. А тутъ, какъ меня за него выдали, да зачалъ опъ, сударикъ мой, душить меня чѣмъ ни попада — и голова принялась болѣть.... О-охъ-хо-хонюшки!

На ея печальный разсказъ Ероховъ тяжело вздохнулъ; можетъ быть тронулось и его закаленное унтеръ-офицерское сердце, а можетъ быть и не тронулось; но что бы тамъ не произошло въ его солдатскомъ сердцѣ, а все-таки онъ промолвилъ, вздохнувши:

— Да съ! у Акулы Лушпыча кулакъ нешто-таки... тяжеленекъ. Я вотъ тоже иной разъ того... получишь, примѣрно, отъ нихъ тычокъ какой, али бы зуботычину... ништо! хлестко дерутся... Такъ какъ же, Ульяна Епимаховна? нужно вѣдь разбудить-съ!

— Охъ, батюшка ты мой! ужъ и не придумаю, какъ тутъ мнѣ быть-то.

— Да вы вотъ что: прикажите мнѣ разбудить ихъ—я разбужу.

— Да вѣдь онъ и тебя, пожалуй, исколотить, сударикъ!

— Да ничего...

— Ой-ли?

— Да право!

— Да ужъ развѣ вотъ что, догадалась Ульяна Епимаховна,—развѣ поднести тебѣ вища для смѣлости, авось тады посмѣлѣй будить-то станешь... И коли, примѣрно, бить начнетъ...

— Да ничего, вытершимъ! А на счетъ водочки, это съ нашимъ великимъ удовольствіемъ, потому эфто солдатскому животу съ руки. Стаканчикъ-другой отчего не дерябнуть, оченно будемъ благодарны за эфто.

И Ероховъ утеръ ладонью усы.

— Ну такъ поидемъ, сударикъ, въ комнату, промолвила Ульяна Епимаховна и поднялась со скамьи.

Ероховъ на цыпочкахъ послѣдовалъ за нею.

— Присядь пока тутъ-то вотъ, указала на стулъ Ульяна Епимаховна.

— Ничего-съ, мы и постоимъ: наше дѣло привычное.

— Да чего стоять-то, сударикъ? Присядь, я не обижусь за эфто.

— Да не безпокойтесь, сударыня, наше дѣло солдатское—постоимъ-съ.

— Ну, какъ знаешь, родной. А то бы съѣлъ. Что стоять-то! И то ужъ чай день-то деньской настоишься.

— Ничего, Ульяна Епимаховна... дѣло привычное-съ.

— Какъ хошь, родной, это твое дѣло. Подожди, а я сичасъ водочки принесу тебѣ.

Ероховъ глубоко вздохнулъ и утеръ носъ.

Мишуты черезъ двѣ, Ульяна Епимаховна воротилась въ залъ съ графиномъ водки въ одной рукѣ и чайнымъ стаканомъ въ другой. Свѣтившая ей кухарка, несла на тарелкѣ кусокъ бѣлаго хлѣба.

Ероховъ умильно посмотрѣлъ сначала на графинъ, а потомъ на стаканъ; но при взглядѣ на стаканъ лицо его окончательно прояснилось и сквозь жесткіе унтеръ-офицерскіе усы сверкнула мягкая, почти пѣжвая улыбка.

— На-ко, сударикъ, выкушай-ко.

И Ульяна Епимаховна наполнила стаканъ вровень съ краями.

Ероховъ откашлянулся.

— Жѣлаю здравствовать! проговорилъ онъ.

— Кушай на доброе здоровье.

Ероховъ взявъ стаканъ, поднесъ его ко рту, причемъ нѣсколько понаклонилъ голову; затѣмъ опрокинулъ стаканъ и съ головой вмѣстѣ назадъ—и черезъ моментъ въ стаканѣ уже не было никакой жидкости, ибо въ настоящій моментъ та жидкость, бурча, проходила уже въ его желудокъ.

— Премного вамъ благодарны! произнесъ Ероховъ и обтеръ усы.

— На здоровье, сударикъ. А этимъ-то вотъ закуси, промолвила Ульяна Епимаховна, показавши на хлѣбъ.

— Слушаемъ-съ, проговорилъ Ероховъ и тяжело вздохнулъ, когда Ульяна Епимаховна вышла съ графиномъ изъ залы.

Черезъ минуту она возвратилась съ одной ужъ только свѣчей въ рукахъ и сказала, обратясь къ Ерохову:

— Теперь, сударикъ, поидемъ, я провожу тебя къ Акулѣ Лушпычу въ спальную.

Ероховъ утеръ рукавомъ носъ и послѣдовалъ за хозяйкой.

Вошли въ спальню.

На широкой дубовой кровати лежалъ, закутавшись въ ваточное одѣяло, городской голова.

— Ишь какъ онъ, сударикъ, спить-то крѣико, прошептала Ульяна Епимаховна, подойдя къ супругу со свѣчей.—И будить-то его жаль. Посмотри-ка? оборотилась она къ Ерохову.

Ероховъ на цыпочкахъ приблизился къ кровати.

— Крѣико вѣдь спить-то! повторила Ульяна Епимаховна.

Ероховъ взглянулъ на снящаго, у котораго изъ-за одѣяла торчалъ одинъ лишь горбатый носъ, съ клочкомъ сѣдыхъ усовъ, да полбороды высовывалось изъ-подъ складки.

— Будить-то страшно, замѣтила Уляна Енимаховна, кинувъ на унтеръ-офицера пугливый взглядъ.

— А ничего, попытаемъ, сказалъ Ероховъ и наклонился къ городскому голову.

— Ваше степенство!... ваше степенство! ваше степенство! вполголоса началъ Ероховъ.

Никакого отвѣта не было.

— Ваше степенство! а ваше степенство! заговорилъ Аника Ероховъ нѣсколько громче и рискнулъ ткнуть Акилу Брѣхова двумя пальцами въ спину.

— Ваше степенство! а ваше степенство!...

Его степенство сильно потянулъ въ себя носомъ воздухъ и, не раскрывая очей, повернулся съ бока на спину, отчего дубовая кровать сильно закричала.

— Ваше степенство! Акула Луппычъ!... ваше степенство!

Его степенство по-прежнему только свистѣлъ носомъ и больше ничего.

— Сонъ-ать какой! замѣтилъ Ероховъ, обратясь къ Улянѣ Енимаховнѣ.

— Да, батюшка. Такъ-то вотъ онъ навсегда спитъ.

— Ваше степенство! ваше степенство!...

И жесткіе пальцы Аники Ерохова утопи въ полномъ и мягкомъ плечѣ Акилы Брѣхова.

— Акула Луппычъ! Акула Луппычъ!

— Хм-м-мы! промычалъ Акила Лупповичъ густой октавой.

— Пожаръ въ городѣ!

— Хм-м-м...

— Пожаръ, говорю... въ набать бьютъ.

— Хм-м-м...

— Бьютъ въ набать! Встаньте.

— Убью!... рывкнулъ Акила Лупповичъ, но не шевельнулся и не раскрылъ даже глазъ.

Уляна Енимаховна вздрогнула и понялась.

— Ваше степенство! ваше степенство! своимъ чередомъ продолжалъ неустрашимый унтеръ-офицеръ.

Но его степенство, на одинъ моментъ выведенный изъ глубины крѣпкаго сна, опять погрузился въ нее и спалъ по-прежнему оглашалась густымъ басовымъ храпомъ.

— Ваше степенство!... Акула Луппычъ! Акула Луппычъ!

— Прочь!... расир... м-ми... снова рывкнулъ Акила Лупповичъ и тутъ же замычалъ что-то.

— Ваше степенство! встаньте! встаньте, говорю!... встаньте...

— Отвяжись! убью!... крикнулъ въ полуснѣ Акила Брѣховъ и лягнулъ ногой, а потомъ началъ плотнѣе закутываться въ одѣяло.

— Вотъ такъ сонъ! промолвилъ Аника Ероховъ и отеръ рукавомъ вспотѣвшій лобъ.

Уляна Енимаховна стояла въ нѣкоторомъ отдаленіи со свѣчей въ рукахъ и съ плачевно-испуганной гримасой наблюдала за ходомъ всей этой сцены.

Съ минуту постоявши надъ Брѣховымъ неподвижно, Ероховъ потомъ засучилъ рукава и снова началъ расталкивать городского голову.

— Да встаньте, Акула Луппычъ! встаньте, сударь вы мой! встаньте ваше степенство!

— Да нонѣ что! грозно вскричалъ Акила Лупповичъ, не раскрывая впрочемъ очей своихъ. — Что нонѣ?

— Пятница, ваше степенство, отозвался Ероховъ.

— Нонѣ чай постъ великій... развѣ же подобаетъ... Вотъ погоди ты у меня, дай-ка мнѣ встать-то... всѣ ребра переломаяю...

— Вонъ вѣдь какія онъ слова-то говоритъ! печально промолвила Уляна Енимаховна.

— Ваше степенство!... Акула Луппычъ!...

Но Акила Луппычъ повернулся со спины на бокъ, отчего кровать сильно скринула.

— Ахъ ты, отецъ небесный! съ сокрушеніемъ произнесъ унтеръ-офицеръ. — Сонъ-отъ какой, страсть просто! Акула Луппычъ! Акула Луппычъ!...

Акила Луппычъ брыкнулъ ногой; кровать хрустнула и задрожалъ шкафъ, чуть слышно прозвенѣвши посудой.

— Что-жъ это, Господи! пзумлялся унтеръ-офицеръ, поглядывая широко-раскрытыми глазами на городского голову. — Отродясь этакое сна не видывалъ.

— Ваше степенство! да вы хоша глазки-то свои на минуту раскройте!

Но его степенство только плотнѣе закутался въ одѣяло, да еще сильнѣе захрапѣлъ.

Аника Ероховъ опустилъ руки и повергся въ совершенное отчаяніе.

— Еще бы одинъ стаканчикъ хватить для смѣлости, подумалъ онъ про себя,—тогда ужъ безпремѣнно разбудилъ бы!

V

Г Д Ъ П О Ж А Р Ъ ?

Въ то время, какъ унтеръ-офицеръ Аника Ероховъ будилъ городского голову Акилу Брѣхова и никакъ не могъ добудиться,—въ то время, говорю я, на каланчѣ и трехъ колокольняхъ съ такимъ азартомъ жарили въ набать, что едва ли кто, кромѣ Акилы Брѣхова, въ состояніи былъ бы не соскочить горошкомъ съ постели.

Всѣ мало-мальски владѣвшіе своими ногами козлявцы повскакали изъ своихъ домовъ и съ великимъ ужасомъ озирались во всѣ стороны.

— Что этта, Господи! отецъ милосердый! матушка Тихвинская заступница! безмысленно шептали одни и по-минутно вздрагивали отъ холода.

Другіе взлѣзали на крыши домовъ и нигдѣ не замѣчая зарева, принимались обѣими руками протирать свои глаза.

— Гдѣ-жъ, братцы, пожаръ-то? спрашивали они другъ у друга.

Но никто изъ козлявцевъ не могъ указать, гдѣ онъ, куда онъ, въ самомъ дѣлѣ, спрятался.

Не смотря на это послѣднее обстоятельство, въ разныхъ уголкахъ города Козляева, многіе изъ черезчуръ ужъ трусившихъ гражданъ вытаскивали изъ домовъ свои пожитки и сваливали ихъ въ одну кучу на дворахъ и на улицахъ. Много тутъ было перебито, переломано и перепорчено всякаго добра! Но пострадала не одна токмо домашняя утварь, не одна, такъ сказать, неодушевленная вещественность. Порядкомъ также досталось всяческой ломки на долю тѣхъ хотя и одушевленныхъ сосуудовъ, но

тѣмъ не менѣе все-таки сосудовъ скудельныхъ, чело-
вѣками нарицаемыхъ.

Въ подтвержденіе вышесказаннаго приведемъ нѣсколько фактовъ.

Когда зазвенѣли въ воздухѣ первые звуки набата, въ то время кухарка купца Подзатыльниковъ, Устинья и его же ключница Фетинья вскочили съ своихъ постелей точно полоумныя и опрометью бросились совершенно въ противоположныя стороны. Но это бы еще ничего, что бросились онѣ въ противоположныя стороны. Худо было то, что бросились-то онѣ въ одно время, то есть, ключница Фетинья стремительно вринулась въ кухню буквально въ тотъ же моментъ, когда кухарка Устинья стремглавъ изверглась изъ кухни. Произошло столкновеніе двухъ уругихъ тѣлъ. Но такъ-какъ тѣло кухарки Устиньи въсило втрое больше, чѣмъ тѣло ключницы Фетиньи, то сія послѣдняя съ визгомъ произвела въ воздухѣ *самъ-то мортале* и пала ницъ. Упавши ницъ, она почувствовала, что на нее обрушился потолокъ вмѣстѣ съ насыпью и—что всего изумительнѣй!—этотъ потолокъ, обрушившись, испустилъ вопль громогласный.

Но ея ощущеніе было черезчуръ ужъ преувеличено ужасомъ непредвидѣннаго, внезапнаго столкновенія и послѣдовавшаго за тѣмъ паденія ницъ. Не потолокъ обрушился на нее, нѣтъ!—на нее обрушилась кухарка Устинья, испутившая при этомъ почти нечеловѣческой вопль.

Этотъ-то вопль и разбудилъ въ одно и то же время и цѣнную собаку, спавшую въ конурѣ, возлѣ кухни, и самаго Сидора Антиповича Подзатыльниковъ, спавшаго въ своей оочивальнѣ, на мягкомъ пуховикѣ.

Проснувшаяся сабака лѣниво вылѣзла изъ конуры, подняла морду и взвыла жалобно. Проснувшійся Подзатыльниковъ тоже поднялъ лице, но только не взвылъ, а сотворилъ молитву.

Когда же, вслѣдъ за Устиньинымъ воплемъ, раздался въ сѣняхъ вой приплюснутой къ полу Фетиньи, съ аккомпаниментомъ собачьяго лая и звона колоколовъ, сопровождаемаго шумомъ, топотомъ и крикомъ народа, бѣгущаго мимо оконъ Подзатыльниковъ, тогда Сидоръ Антиповичъ воспрянулъ съ кровати съ быстротой, неимовѣрной при его тучности.

Подзатыльникову, въ первый моментъ, въ моментъ прыжка съ кровати, почудилось, что наконецъ вотъ оно и пришло, второе—то пришествіе....

Во второй же моментъ, въ моментъ, когда Сидоръ Антиповичъ сталъ на ноги, въ мозгу у него блеснула мысль: ага-а! Такъ вотъ оно солнечное-то затмѣніе.... началось ужъ.... ай-ай-ай-ай! Это народъ-отъ должно отъ антихриста лупить....

Но тутъ ужъ и самъ Сидоръ Антиповичъ взвылъ. Ужасъ напалъ на него невыразимый.

Что дѣлать? шевельнулось въ головѣ Подзатыльниковъ въ третій моментъ. Тоже, что и всѣ: улепетывать! шепнуть ему таинственный голосъ какой-то.—Удирать отъ антихриста.—Куда-же?—Куда нибудь, лишь-бы только подальше.... Впередъ! впередъ все, впередъ....

Вотъ и ринулся Подзатыльниковъ впередъ, растопыривши руки. Но такъ-какъ въ спальнѣ царила темнота непроницаемая, то Подзатыльниковъ и не могъ, конечно, видѣть, куда онъ ринулся. Онъ только могъ слышать,

да осязать. Вотъ и услышалъ Сидоръ Антиповичъ, что ринулся онъ не въ дверь, а въ шкафъ съ разной посудой и произвелъ тамъ между стаканами, рюмками и чашечками такое перемѣщеніе, отъ котораго многіе стаканы и рюмочки полетѣли внизъ.

Ринулся Подзатыльниковъ въ другую сторону; но тамъ вмѣсто двери оказалось окно, которое, впрочемъ, не замѣдило звономъ продавленныхъ стеколъ намекнуть хозяину о томъ, что и оно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, можетъ служить дверью, но только для особъ, похудошавше Сидора Антиповича.

И такъ, куда только ни совался ошалѣвшій отъ страха Сидоръ Антиповичъ,—повсюду встрѣчалъ онъ непреодолимыя препятствія и вездѣ производилъ только одни перемѣщенія, крушительныя для перемѣщаемыхъ предметовъ.

— Господи мой! Заступникъ мой! въ страшномъ отчаяніи возопилъ наконецъ потомственный почетный гражданинъ Сидоръ Антиповичъ Подзатыльниковъ.

И возопивши сіе, пошелъ онъ кружиться по спальнѣ, шарить руками по стѣнамъ, ища ничего больше, какъ только двери одной, одного спасительнаго выхода.

Кружится Подзатыльниковъ, но все понапрасну; кружится и приговариваетъ:

— Матушки.... батюшки.... отцы вы мои.... родимые..., Фетинья! Фетинья! Устинья.. Фетилья....

Вбѣжала Устинья со свѣчкой и волдыремъ на лбу.

— Батюшка, Сидоръ Антиповичъ! пожаръ! пожаръ должно.... въ набатъ бьютъ.

— Что?! какъ.... затмѣніе? да вѣдь это затмѣніе! это вѣдь затмѣніе....

Да такъ и недоговорилъ слова, сообразивши наконецъ, что вѣдь еще ночь на дворѣ; а ночью какое же можетъ быть солнечное затмѣніе.

— Слава тебѣ Господи, прошепталъ Подзатыльниковъ и началъ креститься.—А я... я ужъ тово... я ужъ совѣмъ было.... слава тебѣ Господи!... Охъ какъ напугался-то.... ополоумѣлъ совѣмъ.

И точно, трудно было бы представить себѣ такую глупую физиономію, съ какой теперь стоялъ посреди спальни Сидоръ Антиповичъ.

— Пожаръ, ты говоришь? спросилъ онъ, странно какъ-то поглядывая на Устинью.

— Да развѣ же не слышите, какъ бьютъ въ набатъ-то?

И она показала пальцемъ на разбитое окошко.

Сидоръ Антиповичъ, все еще бессмысленно, повернулъ голову къ окну, но.... При этомъ онъ вдругъ очнулся и крикнулъ:—подавай халатъ, да того.... шубу!

А самъ принялся отыскивать сапоги. Одѣвшись на скорую руку, онъ выбѣжалъ изъ дому и ударился рысцой, насколько позволяла ему его тучность, прямо къ своей колокольнѣ.

Остальное—что Подзатыльниковъ ударилъ въ набатъ—уже извѣстно читателю.

А. И. Волнинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

— Ну ужь пріятель! хорошъ! Дать мнѣ паговориться вволю и даже напечатать всю мою болтовню, а потомъ для потѣхи читателей вотъ что со мной случалъ. Избавь васъ Богъ отъ такихъ друзей! Снявши голову, они пожалуй будутъ плакать по волосамъ.

МОСКОВСКІЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ

Отчего мостовыя не дѣлаются лучше? — Когда Москва лишена бываетъ удобныхъ путей сообщенія? — Рѣзкій переходъ отъ водосточныхъ трубъ къ мадамамъ, снабжающимъ гувернантками, эконоимками и проч.—Сходство между тѣми и другими.—За что иногда берутся рубли.—Понятно ли для всѣхъ, отчего въ Зоологическомъ саду нельзя взрывать кораблей?—Сколько нужно было заплатить, чтобы послушать въ паркѣ 1-й концертъ кн. Ю. Н. Голицына.—Новое повоселъе князл.—Импровизованные профессора.—Увеселительный вечеръ съ уступкою 25%.—Отчего монсье Буяновъ не взялъ въ аренду Шарковскій театръ.—Терпѣливый женихъ.—Воздушные замки или 1-е июля. — За что Николушка раззнакомился съ одной барыней.—Новый юродивый Иванушка Тяга.—Впечатлѣніе отъ торпеды.—Просьба къ читателямъ.—

Безчисленное множество разъ возсылались горестныя сѣтованія на наши убійственныя мостовыя, которыя, увидѣвъ отъ этихъ сѣтованій не дѣлаются лучше, хотя каждое лѣто рѣдкія улицы не взбудораживаются мостовщиками. Грустно, безъ всякаго сомнѣнія, кататься по такимъ мостовымъ, отъ которыхъ у бѣдныхъ пассажировъ плохихъ извоищичьихъ экипажей страдаютъ бока, а у владѣльцевъ щегольскихъ колясокъ и каретъ—карманы. Но съ этими невзгодами московской жизни можно еще какъ нибудь по-

мириться, хотя бы даже скрѣпя сердце и со слезами на глазахъ. Есть другія болѣе существенныя потребности, на которыя до сихъ поръ, почему-то, мало обращалось вниманія. Это—весьма ощутительный недостатокъ водосточныхъ трубъ.

Не далѣе какъ въ Петровъ день несчастные пѣшеходы, застигнутые проливнымъ дождемъ, должны были испытывать пытки отъ образовавшихся на всѣхъ улицахъ (расположенныхъ на покатыхъ или низменныхъ мѣстностяхъ) водяныхъ потоковъ. Во многихъ мѣстахъ глубина этихъ импровизованныхъ ручьевъ достигала до полутора и даже до двухъ аршинъ глубины. На площадяхъ и переулкахъ образовывались цѣлыя озера, по которымъ переправляться на *своихъ на двоихъ* не было рѣшительно никакой возможности. Несчастные бѣдняки, которымъ необходимо было повидаться по дѣламъ съ своими знакомыми, вынуждены были, для достиженія желаемого пункта, обходить окольными путями порядочныя дистанціи. Вода при недостаткѣ водосточныхъ трубъ, убывала очень не быстро. Около двухъ часовъ старушка Москва лишена была удобныхъ путей сообщенія. Конечно, двухчасовыя непріятности—ничто въ сравненіи съ вѣчностью! Но все лучше,

казалось бы, отстранить и ихъ. А то—какъ-то странно: пользуешься роскошнымъ газовымъ освѣщеніемъ, фонтанами, желѣзными дорогами по разнымъ направленіямъ и многими другими удобствами цивилизаціи; а чуть только дождь покрупнѣе, — не знаешь, какое выбрать *направленіе*, чтобы добраться до своего сосѣда. Приходится путешествовать по такой околесицѣ, что собственная своя ишарина взмочить инаго бѣднягу немного развѣ хуже самага дождя.

Вамъ, быть можетъ, читатели, покажется слишкомъ крутымъ переходъ отъ водосточныхъ трубъ къ *мадамамъ*, германскаго племени, занимающимся снабженіемъ нуждающихся: гувернантками, управляющими, компаньёнками и бонами (го-есть няньками);—но если вы взглянете попристальнѣе, то увидите весьма отлогую покатость, по которой спуститесь безъ труда и найдете даже сходство между тѣми и другими. Отъ недостатка въ водосточныхъ трубахъ приходится иѣшеходамъ, какъ вамъ извѣстно, придерживаться *окольныхъ* путей, а обращающимся къ къ этимъ *мадамамъ* случается и въ дождливую погоду, и въ ясную—*колесить*, отыскивая по невѣрнымъ адресамъ рекомендованныхъ гувернантокъ, боиъ и проч. Конечно есть между этими *мадамами* добронпорядочныя; но таковыхъ немного.

Недавно одинъ прѣѣхавшій помѣщикъ по *восьми* адресамъ, полученнымъ отъ *мадамъ В.* (жительствующей на Тверской) могъ отыскать мѣстопребываніе только *четырехъ* особъ.—По двумъ адресамъ оказалось, что особы, желавшія занять мѣста, давно ужъ ихъ заняли и уѣхали изъ Москвы; а по двумъ другимъ нельзя было отыскать ни переулковъ, ни домовъ, не смотря на то, что съ помѣщика взяли за подобные адреса цѣлый серебряный рубль. Когда же онъ (го-есть помѣщикъ) попросилъ *мадамъ В.* объяснить причины, вслѣдствіе которыхъ вынужденъ былъ колесить по Москвѣ и напрасно истратить еще два серебряныхъ рубля на извозчика, то *мадамъ В.* весьма флегматично отвѣчала:

— Когда оба гувернантка уѣзжали, значить мѣсть отыскалъ; а что вы не накодиль еще двѣ, то дольженъ битъ онъ пошутить.

— Какъ пошутить? воскликнулъ удивленный помѣщикъ.

— О, это нишево не значить: не катель дать свой адресъ и пошутить!

— Но я изъ-за этихъ шутокъ вынужденъ былъ истратить нѣсколько лишнихъ рублей, а главное время потерялъ!... Вѣдь это выходитъ: кошкѣ игрушки, а мышкѣ—слезки! Поймите вы меня! вопилъ несчастный помѣщикъ.

— О, я, господинъ, очень карошо и давно понималъ, что такая шутка для мышкѣ—слезка! Но какъ съ этимъ дѣлать? возражала самымъ равнодушнымъ тономъ *мадамъ В.*—

Вотъ катите смотрѣть книга?... Тамъ такъ адреса записанъ!

Помѣщикъ, окинувъ взоромъ книгу, пришелъ въ ужасъ. Въ нее вписаны были адреса и чернилами, и карандашемъ, какъ ни попало, безъ всякаго систематическаго порядка. Не было тутъ отмѣтокъ ни о времени записывающихся, ни о времени поступленія ихъ на мѣста. Помѣщикъ попросилъ *мадамъ В.* снабдить покрайней мѣрѣ его еще новыми адресами.

— О, не можно!... больше нѣтъ!... Ни одна не записывался!

Слѣдовательно количество адресовъ въ записной книгѣ служить только мнимымъ доказательствомъ большихъ операцій, совершаемыхъ *В.* Чѣмъ же въ самомъ дѣлѣ занимаются подобныя *мадамы*?—Въ силу какихъ случайныхъ обстоятельствъ онѣ безданны, безошлинно обирають деньги у неопытныхъ людей, заставляя при томъ *колесить* по мучительнымъ московскимъ мостовымъ? *Изобиліе* такихъ усердныхъ нѣмокъ—зловреднѣе *недостатки* водосточныхъ трубъ. Эти послѣднія дурно исполняютъ свои обязанности только въ проливные дожди, да и то не по своей винѣ; а *мадамы*, снабжающія гувернантками, экономками и бонами, самопроизвольно исполняютъ дурно свои обязанности во всякую погоду. Пожалуй, что о нихъ слѣдуетъ позаботиться прежде водосточныхъ трубъ.

Сильный дождь въ Петровъ день и въ слѣдующее за тѣмъ воскресенье помѣшалъ взрывать въ Зоологическомъ саду *торпедо*. Незнакомымъ съ этимъ словомъ рекомендую афиши Зоологическаго сада, изъ которыхъ, между прочимъ, можно уразумѣть, что въ Зоологическомъ саду *понятно* нельзя взрывать корабли. Великое спасибо составителю такихъ *толковыхъ* афишъ. До нихъ многіе предполагали, что на прудѣ Зоологическаго сада крейсируютъ *корабли*! Афиши эти почему-то печатались въ двухъ различныхъ видахъ съ измѣненнымъ нѣсколько текстомъ. По оба вида афишъ разсылались въ одинъ день. Нѣкоторымъ понравились афиши въ болѣе *грандіозномъ* видѣ. Въ нихъ обѣщано было, что взрывы метательныхъ торпедо начнутся по какому-то *знаку* трубача. Никто только не могъ уяснить себѣ: отчего для этого *знака* потребовался *трубачъ*, а не самъ *тамбургъ-мажоръ*? Онъ вѣдь гораздо представительнѣе для какого угодно знака. Въ другихъ афишахъ меньшаго размѣра о *трубачѣ* совѣтъ умалчивалось.

Дождливая погода недоброжелательствуетъ и концертамъ *кн. Ю. П. Голицына*. Назначенный имъ въ паркѣ въ саду г-на Циммермана, въ Петровъ день, концертъ, о которомъ всегда и всемъ усердствующій *Н. М. Пановскій*, (оказавшійся, слава Богу, въ цвѣтущемъ здоровьѣ), не преминулъ заблаговременно замолвить хвалебное словечко въ Московскихъ Вѣдомостяхъ,—отмѣнился.

Дождь въ паркѣ былъ такой же злобный, какъ и въ Москвѣ. Кстати тутъ не лишнимъ будетъ замѣтить, что цѣны, назначенныя кн. Ю. Н. Голицынымъ оказались весьма и весьма ошутительными для кармановъ меломановъ. Чтобы послушать съ удобствомъ исполненіе хорошихъ пьесъ, нужно было въ концертѣ 23-го іюня заплатить *за входъ* одинъ рубль, да, чтобы не быть въ положеніи статуи, еще приплатить *за сидище* полтора рубля: и того — *два съ половиною!* Дорогонько! При такой *контрибуціи* не могло быть много охотниковъ наслаждаться концертами князя, хотя *всевѣдущій* Москвичъ и насчиталъ въ первомъ концертѣ цѣлую тысячу посѣтителей, о чемъ даже долгомъ поставилъ напечатать въ своихъ запискахъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ. Впрочемъ князя Ю. Н. Голицына можно поздравить еще съ новосельемъ. 3-го іюля онъ перебрался вмѣстѣ съ оркестромъ и хорами въ садъ Брауна и *новое* свое новоселье отпраздновалъ *музыкальнымъ вечеромъ*. По вѣроятію это *новоселье* не особенно ему понравилось. Онъ не хочетъ покидать парка. Убѣдившись самъ на опыти, что при 2 р. 50 к. дѣйствительно трудно идти слушателей, князь понизилъ плату на 40%. Мнѣ не удалось счесть, сколько было въ послѣднемъ его концертѣ, а у *Москвича* я забылъ спросить; но кажется до *тысячи* не доставало *сотъ шесть или семь*.

Предположенія мои о томъ, что *волшебнику* Кюдрю не удастся болѣе занимать московскую публику своими *волшебствами*, сбываются. Два уже раза г. Циммерманъ назначалъ *послѣднія* представленія этого чародѣя (который въ афишахъ величается теперь *профессоромъ*), — отменялись, по случаю дурной погоды. Не потому ли ужъ Плутоиъ, (такъ же какъ и въ офенбаховскомъ Орчѣ), *совершаетъ кавардакъ со стихіями*, что *циммермановскій* Кюдрю и *брауновскій* Рамесъ именуютъ себя *профессорами*, не выдержавъ ни въ одномъ университетѣ ни магистерскаго, ни докторскаго экзаменовъ и не защитивъ диссертациі о необычайной *силѣ* или *слабости* восточной магіи. Зачѣмъ ужъ присвоивать себѣ ученый титулъ, который при всемъ искусствѣ этихъ *волшебниковъ*, также присталъ къ нимъ, какъ къ коровамъ — сѣдла! Pardon за сравненіе! Оно — русское. Попробуйте-ка, господа волшебники, не называть себя профессорами, можетъ быть, тогда ваше лѣто и прояснится; а то въд амфитріонамъ вашимъ пожалуі печѣмъ будетъ и расплатиться съ вами. Дождевыя капли вызываютъ изъ ихъ очей обильныя потоки слезъ и скудные запасы кредитныхъ бумажекъ изъ ихъ кармановъ. Дошло ужъ до того, что стали впускать въ устраиваемыя гулянья съ уступкою. Благая эта мысль пришла въ голову г-на Брауна. Въ одно изъ воскресеньевъ, онъ сдѣлалъ *почтеніе* публикѣ 5-ть процентовъ противъ объявленной цѣны. Впускалъ въ

своей *увеселительный вечеръ* желающихъ за 75 к. вмѣсто рубля. Къ сожалѣнію, очень немногимъ удалось воспользоваться такою любезностью. Зрители, не предувѣдомленные заранѣе, что г. Браунъ устроилъ въ своемъ саду *Оминую недѣлю* и пускаетъ въ садъ по дешевымъ цѣнамъ, — не потрудились наполнить его. Поговариваютъ, что одному уже *увеселителю*, вслѣдствіе несносной погоды, пришлось *поскучать* нѣсколько недѣль въ казенной квартирѣ у Иверскихъ воротъ.

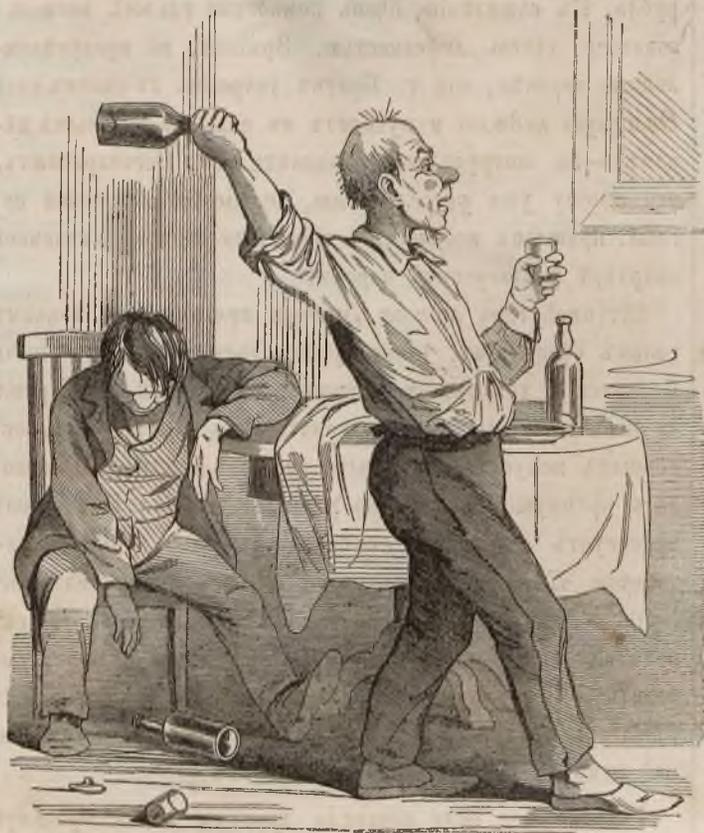
Штукмейстеръ *монсье Буяновъ*, предчувствуя, тонкимъ своимъ обоняніемъ, такое дурное лѣто, не рѣшился снять Парковскій театръ, а отпратился на дняхъ въ Парижъ на всемірную выставку: удивлять весь свѣтъ своимъ боксёрнымъ искусствомъ. Опыты свои онъ намѣренъ производить преимущественно надъ нѣмцами. Съ малолѣтства онъ чувствуетъ особенную симпатію къ этой націи. — Сватовство *Барана Барановича Заморозкова* на дочкѣ Буянова подвинулось впередъ, послѣ полученной ею отъ родителя полновѣсной пощечины. Долго она думала: выходить ли ей замужъ за неотвязчиваго Барана и наконецъ рѣшилась объявить, что *подумаетъ еще!* Услыхавъ такой отвѣтъ, Баранъ жалобно заблеялъ.

Роковое 1-е іюля повергло многихъ въ невыразимую скорбь. Запасшіеся пятипроцентными съ выигрышами билетами, ожидали, непременно всѣ, выиграть 200,000 р., но выигралъ ихъ только одинъ, а не *всѣ*. А сколько воздушныхъ замковъ созидалось на этихъ тысячахъ!

Разсказываютъ за достовѣрное, что одна барыня, съ итичьей фамиліей, услыхавъ отъ *юродиваго* музыканта *Николушки*, что будто всякое желаніе ея непременно исполнится, если она *девять* разъ въ восьмомъ часу вечера сходить пѣшкомъ въ съумасшедшій домъ на поклоненіе какому-то бѣснующемуся, — аккуратно цѣлыхъ девять вечеровъ преусердѣйшимъ образомъ отѣшивала поклоны и выслушивала разныя ругательства бѣснующагося; но при всемъ томъ желаніе ея не сбылось: 200,000 р. достались не ей. Какже за то и прогнѣвалась эта барыня на Николушку музыканта! Не велѣла пускать его даже на порогъ дома. Но другіе увѣряютъ, что она такъ распорядилась на счетъ Николушки не вслѣдствіе обманутыхъ надеждъ, а потому что Николушка, юродства своего ради, вздумалъ разыграть какую-то музыкальную пьесу на пальцахъ дочери этой барыни, принявъ хорошенькіе пальчики дочки за фортошьянные клавиши. А вы не знаете, читатели, какъ сильно играетъ Николушка музыкантъ? — И не дай Богъ вамъ это знать! Не обрадуютесь!...

Не такъ давно проявился еще новый юродивый *Иванушка-Тяга*. Онъ, говорятъ, — большой забавникъ. Мнѣ обѣщались сообщить о немъ много комическихъ анекдотовъ.

Сегодня (6-го іюля) наконецъ произведены были въ Зоологическомъ саду взрывы давно обѣцанныхъ торпедо.

Ф И З И К А.
(Свойство тѣлъ).
Точка кишѣвнѣя.

Ф И З И К А.
(Свойство тѣлъ).
Точка замерзанія.

Хотя почтенный Н. М. Пановскій съ обычнымъ *увлечениемъ* воспѣлъ своимъ поэтическимъ словомъ эти торпедо въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, но при всемъ томъ, публики собралось въ садъ не много. Какая же могла быть тому причина?—Неужели слова сего заслуженнаго мужа, убѣленнаго сѣдинами, утратили ту обаятельную силу, которая, во времена оны, собирала массы народа. Неужели такъ-таки безслѣдно прошли тѣ блаженныя времена, когда всѣ: и малый, и большой спѣшили одинъ передъ другимъ *въ перебыжку* откликнуться личнымъ своимъ присутствіемъ, на призывы московскаго Гомера. Жертвовали, не жалѣя, свои рубли, чтобы вкусить сладость отъ всего того, что удостоивалось похвальнаго слова творца московской илліады. Откуда же вдругъ такая перемѣна?—Не знаешь что и придумать! Или люди съ каждымъ годомъ дѣлаются менѣе довѣрчивы! Или похвальные слова Гомера потеряли весь свой магнетизмъ! Или наконецъ сама публика, отвѣдавъ, разъ и другой, медоточивыхъ рѣчей московскаго Гомера, вкусила вмѣстѣ съ тѣмъ и горечь отъ несбывшихся обѣщаній и... Но перейдемъ къ торпедо, которыхъ немногочисленная публика ожидала съ тревож-

нымъ нетерпѣніемъ. Очень ужъ веѣмъ хотѣлось полюбоваться на водяные взрывы! Не прекрасная часть этой публики, то-есть *мужская*, то и дѣло поглядывала на свои часы. Прекраснѣйшая, то-есть *дамская*, узнавъ изъ гомеровскаго заявленія, что ей не придется пугаться отъ *громкихъ* взрывовъ, такъ какъ они едва будутъ *слышны*,—расположилась на скамейкахъ около самаго пруда. Ожиданіе, всѣхъ вообще зрителей и каждаго въ особенности, возрастало въ увеличивающейся пропорціи. Наконецъ желанный часъ наступилъ! Всѣ ждутъ: какой *знакъ* сдѣлаетъ трубачъ! Но трубачъ обманулъ: никакого знака *не сдѣлалъ*, а продудѣлъ на своей трубѣ, жалобно и немилосердно фальшивы—сигналь. Велѣдъ за тѣмъ на лодкѣ подплылъ къ зрителямъ какой-то господинъ въ тирольской шляпѣ и началъ *метать*, то-есть бросать, бутылки съ восиламентельными аппаратами. Бутылки эти, окупившись въ воду, лопались, обдавая густыми облаками дыма зрителей.

- Фу, какая вонь! говорили одни.
- Отчего такъ скверно пахнетъ? спрашивали другіе.
- Надо полагать, что отъ пороха! замѣчали нѣкоторые.

— Вы, батюшка, всё эти мѣ дѣла на иностранный манеръ поставьте: я хочу, чтобъ у меня все на иностранный манеръ было.

— А гнилой товаръ куда дѣть прикажете?

— Ну и его можно спустить иностраннымъ же торговцамъ, хоша, примѣрно, туркменцамъ али хивинцамъ.

Дамы съ гримасами зажимали свои носики, хмурились и мужчины; но всё терпѣливо ждали: что будетъ дальше. Тирольская шляпа продолжала плыть, бросая бутылки, которыя, подобно первой, угощали любознательныхъ зрителей зловоніемъ.

— Какое же въ этомъ можетъ быть удовольствіе? злобно замѣтилъ тучный купчина съ рыжей бородой, своему сосѣду, молодому куцкичу.

— Да вѣдь это-съ представленіе дѣлается не для удовольствія; а единственно для научной цѣли,—чтобы, значить, растолковать, какъ *сьверяне* и *южане* повреждали панцирные корабли.

— Ну, это ты изъ афиши все вычиталъ! А я, такъ полагаю, что штуки эти придуманы для денегъ, чтобы, значить, побольше ихъ собрать, а то трехгривенниками—надоѣло: больно долго!

— Неужели только всего и будетъ? ворчали многіе.

— Итъ-съ, какъ можно! Сейчасъ начнутся *торпедные* взрывы по системѣ господина Рамстета! успокоительно обратился къ недовольнымъ куцкичъ.

— И такіе же вонючіе, какъ эти?

— На счетъ благовопія ничего не могу объяснить, потому что г. Пановскій не предупредили о томъ; а по ихъ описанію штука должна выдти любопытная-съ!

Окружающіе обратились къ словоохотливому купчику съ разными распросами. Тотъ бойко и безъ запинки отвѣчалъ словами нашего Гомера, зазубренными имъ въ нѣсколько искаженной формѣ.

— Это, извольте видѣть, ораторствсвалъ куцкичъ,—такіе приготовлены аппараты-съ. Они будутъ взбрасывать воду *громаднымъ*, значить, *конусомъ*, какимъ именно, не могу вамъ объяснить, но только оченно ужъ высоко, до *90 аршинъ* хватать будетъ, а въ *дріаметръ*, то-есть въ ширину, въ самомъ выходитъ основаніи, *аршинъ 10* будетъ. Этими *увлекательными* штукаами взрывать будутъ суда. Вотъ оттого и надбавлена такая цѣна. Послѣ такой операціи судамъ ужъ кацуть! Сами г. Пановскій изволили напечатать (№ 140 Моск. Вѣд.): *Не одобровать тѣмъ судамъ, подѣ которыми взорветъ такую увлекательную штуку, а зрители на берегу,*

то-есть, мы, можемъ быть въ куражѣ: *не подвернемся ни малѣйшей опасности, ни даже непріятности быть обрызганными* и риска никакого не будетъ насчетъ испуга отъ громкихъ взрывовъ, потому что они хоша и *громкіе, а едва будутъ слышны!* Такъ сами г. Пановскій соблаговолили объяснить. А вотъ касательно *они* забыли видно упомянуть! Опять-съ очень ужъ занимательно они *сочинили* на счетъ *греческаго огня*, который наименовали *вещью любопытною*. Онъ здѣсь тоже будетъ показываться. Объ этомъ огнѣ *имъ* еще съ дѣтства много натоковали, но сами они его не видали, потому: секретъ огня гдѣ-то затерялся и они не ручаются: будетъ ли греческій огонь Прѣвеченскихъ прудовъ изъ того самаго состава, что и древній, но *что поверхность воды мы увидимъ въ пламени и чуть ли, даже, не огонь подъ водой*, — за это они готовы отвѣтствовать. Очень привлекательно они закончили свое описаніе. *Эта летучая масса воды, иллюминированная пылающими волнами, при звукахъ музыки, представитъ величественное, а можетъ быть и очаровательное зрѣлище. До свѣтлыхъ временъ привелъ Богъ дожить намъ...* Вотъ какъ они трогательно-съ заключили свое описаніе! Сейчасъ видно челоуѣка набожнаго! Тутъ ужъ всякій готовъ раскошелиться, и не то, что *рубль*, а *пяти* не жаль отдать, да еще....

Взрывъ торпедо, по системѣ Рамстета, прервалъ болтовню купчика. Масса воды дѣйствительно поднялась, но только *не громаднымъ конусомъ*, и не на высоту *90 аршинъ* и не при *10-ти арш.* въ діаметрѣ! Отъ всѣхъ этихъ цифръ, если взять только *3-ю долю*, то и то окажется много лишняго. Всѣ четыре взрыва поднимали воду *не громадными конусами, а весьма небольшими, имѣя въ основаніи, (если итрить собственнымъ своимъ глазамъ и бывшихъ со мною) не болѣе двухъ аршинъ въ діаметрѣ.* Впрочемъ зрѣніемъ я не могу похвалиться. Очень можетъ быть, что другимъ, подобно г-ну Пановскому, конусы *показались* въ настоящемъ ихъ *громадномъ* размѣрѣ. Передъ такими господами, можетъ быть, *склоняются* даже иностранныя слова, какъ *торпедо*, точно такъ же какъ это дѣлается передъ г. Пановскимъ. Можетъ быть зрѣніе такихъ господъ усмотрѣло и *огонь подъ водой*, и *летучую массу воды, иллюминированную пылающими волнами*, которая *при звукахъ музыки представляла величественное, а можетъ быть и очаровательное зрѣлище!* Ничего подобнаго мои глаза не видали! Готовъ даже предложить отъ себя какую угодно премію тѣмъ *глазамъ*, которые наслаждались созерцаніемъ *пылающихъ волнъ и летучею иллюминированною массою воды!* Нашъ почтенный Гомеръ, кажется, слишкомъ ужъ вдался въ поэтическія вольно-

сти! Нѣтъ, съ такими *гомерами* не скоро доживешь до *свѣтлыхъ* временъ!

Какъ вы полагаете, любезные читатели, неужели мой вопросъ могъ сглазить литературную замѣчательность *П. Н. Баташева*. Въ прошлыхъ своихъ замѣткахъ (№ 25) мнѣ хотѣлось допытаться отъ васъ самихъ: чѣмъ замѣчательнъ въ литературномъ отношеніи *П. Н. Баташевъ*, при этомъ я сослался на анонсы и афиши, въ которыхъ имя этого дѣятеля сцены напечатано было крупными буквами, тогда какъ имена прочихъ авторовъ и нѣкогда самаго дѣятельнѣйшаго изъ нихъ *Д. Т. Ленскаго* — мелкими. Предлагая подобный вопросъ, я не имѣлъ намеренія нанести какой либо вредъ литературной славы *П. Н. Баташева*, а желалъ только освѣдомиться о ней. Но вмѣсто всякихъ поясненій въ слѣдующихъ за тѣмъ анонсахъ и афишахъ увидѣлъ я имя *П. Н. Баташева* напечатаннымъ мелкими ужъ буквами. Что бы это такое значило? — Неужели, въ самомъ дѣлѣ, я — тому невинный виновникъ? — Не слѣдуетъ-ли мнѣ въ такомъ случаѣ попросить извиненіе у *П. Н. Баташева*, да и вообще не слѣдуетъ ли принять на будущее время за правило: извиняться рѣшительно передъ всѣми, о которыхъ придется сказать что нибудь въ своихъ замѣткахъ, или: если само даже *Развлеченіе* не угодитъ кому нибудь карикатурой или другимъ чѣмъ нибудь? — Посоветуйте мнѣ пожалуйста: что дѣлать? Я вѣдь ужаснѣйшій трусъ! чуть только кто надуется на меня — душа моя тотчасъ и прячется въ пятки! Научите, Бога-ради, какой тактики держаться мнѣ съ *дующимися* господами. Не сходитъ ли ужъ кетати на поклонъ и къ обитателямъ Зоологическаго сада; а то самый большой *орангутанъ*, портретъ котораго былъ напечатанъ въ 19 № *Развлеченія*, воображая, что я живонсець, такъ на меня злобится, что при одномъ взглядѣ на него, чувствую трепеть невыразимый!

Н. Ф.—въ.

КОЕ-КАКЪ

(СОВРЕМЕННОЕ РАЗМЫШЛЕНІЕ).

Наблюдая жизнь гуманную,
Вѣка новаго полеть,
Я извлекъ идею странную,
И даю себѣ отчетъ:
Что мы сдѣлали въ движеніи?
Мы трудились, — это такъ, —
Только мы въ своемъ стремленіи
Всѣ трудились *кое-какъ*...

Время новое заставило
Нашъ ипою жизнью жить,

Воспринять инья правила,
Весь порядокъ измѣнить.—
Драпируясь въ мифъ гуманности,
Мы любили,—это такъ,—
Только все же не безъ странности:
Мы любили *кое какъ!*...

Мы, стараясь быть серьезными,
Закричали: вотъ троца!
И съ прыжками граціозными
Всѣ выдѣлывали *па...*
Свѣтлыхъ мыслей выраженія
Мы принимали,—это такъ;
Но святыхъ убѣжденія
Въ жизнь вводили *кое-какъ*.

Бросивъ взгляды наши дикіе,
Къ апатичной лѣни страсть,
Мы хотѣли вдругъ въ великіе,
Геніальные понасть;
Но, стремясь быть дѣльно-честными,—
Цѣль похвальна—это такъ,—
Мы съ дѣлами *интересными*
Обращались *кое-какъ*.

Распростившись съ отсталыми,
Огрубѣлыми умомъ,
Мы казались либералами,
Прогрессистами во всѣмъ.
Но, желая быть рѣчистыми,—
Мы рѣчисты—это такъ,—
Все-жъ на дѣлѣ прогрессистами
Мы лишь были *кое-какъ*.

Выхваляя все свободное,
Мы свободно вдаль глядимъ
И въ *единство* благородное
Слиться, будто бы, хотимъ.
Мы изъ барства много выбыли,
Не кичимся—это такъ,—
Но лишь къ дѣлу личной прибыли—
Мы вялемъ *кое-какъ!*...

Оттого мы недостатками,
Будто броней, облеклись,
Что съ старинными порядками
Слишкомъ крѣпко ужъ сжились,
Что въ насъ мысль хотя и рѣзвая,
Разумъ смѣтливъ—это такъ,—
Только почва въ насъ петрезвая,
Оттого мы—*кое-какъ!*...

Взрыть, вспахать ту почву сильную
Надо очень глубоко,
Чтобы жатву изобильную
Намъ дала она легко...
Свергнуть всю ругинность бремени,—
Хоть и трудно—это такъ,—
Ждать великаго отъ времени,
Но не жить лишь *кое-какъ!*...

Владиміръ Стародубскій.

ВСЮДУ И ОБО ВСЕМЪ

Листки изъ записной книжки.

«Объ чемъ бишь пѣчтo? Обо всемъ!..»
Грибовдовъ.

НЕОБХОДИМОЕ ПРЕДИСЛОВІЕ.

Вырывая для печати нѣсколько листковъ изъ записной (не расходной и не приходной, а просто записной) книжки, я прежде всего считаю нужнымъ раскланяться съ читателемъ и, вмѣсто обычныхъ приветственныхъ пожеланій, рассказать ему, какимъ образомъ явилась у меня мысль обзавестись записной книжкой, тѣмъ болѣе, что этотъ рассказъ объяснить и содержаніе ея. Дѣло вотъ въ чемъ. Мѣсяца три тому назадъ, я возымѣлъ горячее желаніе писать дневникъ. Надо вамъ сказать, что я отставной чиновникъ (какой у меня чинъ—это нейдетъ къ дѣлу), и что всѣ занятія мои ограничиваются шатаваніемъ или по комнатамъ моеѣ крайне не комфортабельной квартиры, или по улицамъ и переулкамъ нашей первосредостольной столицы. Шататься и при томъ шататься безъ дѣла, по улицамъ или по комнатамъ—это все равно—куда какъ скучно, господа! Вотъ я и сталъ себя придумывать занятіе, и началъ на дневникъ. Хорошо-съ. Купилъ бумаги, завелъ перья и чернила, и... что-жъ бы вы думали, что написалъ? Ничего. Васъ это удивляетъ? Конечно, удивляетъ. Но въ сущности тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Что мнѣ, спрашивается, было писать? О чемъ? О томъ, что сегодня напр. я всталъ въ семь часовъ утра, ѣлъ и пилъ то-то, затѣмъ цѣлый день ходилъ по комнатамъ и... все! Согласитесь, вѣдь подобное времяпрепровожденіе не даетъ никакого матеріала для дневника и писать ежедневно: «всталъ, ѣлъ и ходилъ» совершенно тоже, что переливать изъ пустаго въ порожнее или толочь воу. Мнѣ же хотѣлось пайди для себя такое дѣло, въ которомъ бы полезная умозрительность соединялась съ пріятной занимательностью. Но гдѣ и въ чемъ отыскать подобное занятіе? Этотъ вопросъ поставилъ меня втупикъ. Надъ разрѣшеніемъ его мнѣ пришлось размышлять долго, очень долго и еслибъ не случай, то и еще пожалуй дольше... Видите ли, разъ какъ-то, совершенно измученному и усталому, мнѣ удалось добраться до одной бібліотеки. Отдохнуть захотѣлось страшно и я зашелъ въ залъ для чтенія. При входѣ въ бібліотеку, мнѣ попалась на глаза книга г. Милокова, подъ названіемъ: «На улицѣ и еще кое-гдѣ». — «Странное названіе», промелькнуло у меня въ головѣ и я взялъ книгу и сталъ перелистывать; просматривалъ ее я долго и... что же? Вѣдь нашелъ, право нашелъ, чего искалъ. Въ головѣ моеѣ ясно и отчетливо опредѣлилась мысль писать не о

самомъ себѣ, а обо всемъ, что увижу своими глазами, что услышу своими ушами. Такимъ образомъ въ составъ этихъ листовъ войдутъ и анекдоты, и рассказы, и замѣтки, и даже небольшія сцены; однимъ словомъ все, что придется мнѣ видѣть и слышать въ моихъ, теперь уже не безцѣльныхъ, шатавшахъ по улицамъ.

Представляю вамъ, читатель, нѣсколько случаевъ, записанныхъ мной, и думаю, что буду представлять ихъ постоянно, по мѣрѣ накопленія.

1. ПОХВАЛЬНОЕ УПОРСТВО.

Одинъ изъ близкихъ знакомыхъ моихъ разсказалъ мнѣ случай, который я и занесу въ свою записную книжку. Но прежде всего я долженъ сказать, что въ словахъ разскащика «нѣсть лжи»; по крайней мѣрѣ до сихъ поръ онъ никогда не подавалъ повода къ тому, чтобы усумниться въ справедливости его словъ. Вотъ этотъ разсказъ.

Случилось одному господину купить домъ, рядомъ съ домомъ извѣстнаго нашего коммерсанта Х. Купленный домъ оказался въ крайнемъ разстройствѣ. Нужно было передѣлать рѣшительно все, начиная съ самаго зданія и доходя до службъ, воротъ и заборовъ. Дѣлать было нечего и новый хозяинъ принялся за передѣлку. Поновилъ онъ домъ, поновилъ ворота, погреба etc., и дошла очередь до забора, прилегавшаго къ саду почтеннаго сосѣда, Х. Но такъ какъ заборъ, раздѣлявшій землю двухъ разныхъ владѣльцевъ, долженъ быть перестроенъ ими совокупно, то нашъ новый владѣлецъ и пошелъ къ Х. съ тѣмъ, чтобы предложить ему, не согласится ли онъ взять на себя половину расходовъ по перестройкѣ ветхаго забора. Приходить и застаётъ самаго Х. дома.

— Что вамъ угодно? спрашиваетъ тотъ у пришедшаго.

— Да вотъ, позвольте познакомиться; мнѣ пришлось быть по владѣнью сосѣдомъ вашимъ.

— Радъ, очень радъ.

Разговорились о томъ, о семъ. Наконецъ разговоръ коснулся передѣлки забора.

— Не угодно ли вамъ взять на себя половину издержки по перестройкѣ нашего общаго забора? предложилъ новый сосѣдъ Х.

— А что это будетъ стоить?

— Рублей шестьдесятъ.

— Гмъ. Шестьдесятъ; значитъ на мою часть придется тридцать рублей?

— Тридцать рублей.

Замолчали. Х. задумался.

— Нѣтъ, ужъ не надо лучше, проговорилъ онъ наконецъ.

— Помилуйте, какже это ненадо; заборъ советъ ветхъ.

— Постоить еще!

— Въ такомъ случаѣ, я одинъ его перестрою.

— Стройте!

Опять замолчали. Новый сосѣдъ всталъ и сталъ откланиваться.

— Прощайте-съ. Да вы не подумайте, что мнѣ жалко тридцати рублей, говорилъ на порогѣ Х.—Нѣтъ-съ, это для меня суцѣ пустяки-съ. А такъ вотъ, блажь нашла и... все!

— Мнѣ отъ этого нисколько не легче-съ.

— Гмъ. Не легче?

— Да-съ.

— Такъ. Конечно...

Она раскланялась и заборъ передѣлался на счетъ новаго владѣльца.

Отставной чиновникъ Ахоръ Галактіоновъ Зайчиковъ.

ЕЩЕ О БЕЗОБРАЗІЯХЪ

Не такъ давно мнѣ случилось отправиться изъ Москвы по одной изъ желѣзныхъ дорогъ, въ вагонѣ 3-го класса. Въ числѣ пассажировъ этого вагона были двое прилично одѣтыхъ господъ, помѣстившихся противъ дамы. По черезъ-чуръ уже откровенному разговору этихъ двухъ, какъ видно, друзей надо было заключить, что они чувствуютъ себя «на-веселѣ.» Свои *сладкія рчи* друзья сопровождали куреньемъ папиросъ до самаго входа кондуктора, которому дама заявила, что господа кромѣ неприличнаго разговора еще безпрестанно курятъ. Кондукторъ напомнилъ, что курить въ вагонѣ не позволено и—прошелъ въ другой вагонъ. Друзья тотчасъ же закурили по папиросѣ и продолжали курить до новаго входа кондуктора, который сѣлъ близъ нихъ. Тогда весельчачки начали насвистывать какую-то польку и дѣлать жаловавшейся сосѣдкѣ гримасы. Простонародная публика помираетъ съ смѣху.... Чѣмъ вы уймете такихъ господъ? Курить можно запретить, но какъ воспретить дѣлать гримасы. Въдъ *потышники* скажутъ, что это у нихъ—неудержимыя конвульсивныя движенія, для которыхъ, дескать, «законъ не писанъ»!

А вотъ другой случай: на одной изъ слѣдующихъ станцій второпяхъ входитъ съ 2-мя сак-вожами женщина, нѣчто въ родѣ гоголевской Коробочки. За нею спѣшитъ слуга воксала и проситъ ее уплатить за «приказанный» ею, въ ожиданіи поѣзда, чай. Наша Коробочка отдаетъ только гривенникъ. Тотъ проситъ плату сполна. Она сперва увѣряетъ, что нѣтъ мелкихъ денегъ, а потомъ на предложеніе слуги размѣнять—говоритъ, что она, торопясь, не допила чаю и что тамъ осталось нѣсколько и сахару. Въ этотъ моментъ раздается свистокъ и слуга стремглавъ прыгаетъ на дебаркадеръ, напустуя Коробочку чѣмъ-то вродѣ проклятія...

Если мы, публика, такъ падки всегда до обвиненій во всякихъ безпорядкахъ на желѣзныхъ дорогахъ, то въдъ надо сознаться, что иногда большая часть публики вторитъ смѣхомъ тому, на что надо бы смотрѣть иными глазами, въдъ извѣстно, что одобреніе такъ называемыхъ маленькихъ скандальчиковъ, можетъ поощрять широкую натуру къ большимъ безобразіямъ!

В. Лавровъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Дьявольское навожденіе. А. П. Волнина.
Московскій наблюдатель, Н. Ф.—ва.
Кое-какъ. Стихъ. Владимира Стародубскаго.
Всюду и обо всемъ. Ахора Зайчикова.
Еще о безобразіяхъ. В. Лаврова.
Рисунки.

Редакторъ—Издатель О. МИЛЛЕРЪ.